

Гражданское общество и информация

Для нашей рубрики «Гражданское общество и информация» согласился дать развернутое интервью известный экономист и государственный деятель М.Э.Дмитриев.

Михаил Эгонович Дмитриев в 1990 году был избран народным депутатом РСФСР. Являлся председателем подкомитета, заместителем председателя комитета ВС России по вопросам межреспубликанских отношений, региональной политики и сотрудничества; членом комиссии законодательных предположений при президенте России. Работая в министерствах труда и социального развития, экономического развития и торговли в качестве первого заместителя министра, получил широкую известность как один из главных идеологов реформ пенсионной системы, здравоохранения, государственного управления. После реформирования кабинета министров весной 2004 года стал научным руководителем Центра стратегических разработок, доктор экономических наук.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ИНФОРМАЦИЯ (Ответы на вопросы журнала М.Дмитриева)

ИРР: Михаил Эгонович, очертите, пожалуйста, круг Ваших нынешних профессиональных интересов.

М.Д.: Их много - например, торговая политика, развитие конкурентоспособности. Реформа науки в широком смысле этого слова, это касается не только фундаментальной науки, но и прикладных инноваций. Наконец административная реформа, которая по ряду направлений, видимо, будет продолжаться.

ИРР: А продолжение реформ в социальной сфере?

М.Д.: В социальной сфере сейчас мало что происходит. Здесь есть очень большой задел, который необходимо реализовывать, и задача состоит не в том, чтобы готовить какие-то новые предложения, а в том, чтобы выполнить то, что уже было подготовлено. Основная проблема здесь в том, что в большинстве отраслей социальной сферы работа по практическому исполнению разработанных планов фактически остановилась.

ИРР: Тогда вопрос по поводу науки и инноваций, тем более что мы находимся в здании Минэкономразвития, разработчика законопроекта об особых экономических зонах (ОЭЗ). Наш журнал постоянно обращается к проблемам государственной поддержки ИТ-индустрии, аутсорсинга, экспорта ПО, развития технопарков. Хотелось бы знать Ваше мнение об этом законопроекте, – в какой степени он учитывает интересы индустрии высоких технологий, как он согласуется с итогами январского совещания в Новосибирске.

М.Д.: Особые экономические зоны и законодательство по ним готовилось долгое время, и то, что оно сейчас, наконец, было одобрено, я думаю, не имеет прямого отношения к новосибирской дискуссии. Уже давно здесь, в министерстве, зрела идея о том, чтобы превратить особые экономические зоны в своего рода бизнес-инкубаторы - как для инновационного сектора, так и для сектора неинновационного. Зона рассматривается как среда, в которой облегчено формирование, точнее, рост малого и среднего бизнеса до более крупных размеров благодаря тому, что в пределах ОЭЗ, во-первых, решены вопросы доступа к инфраструктуре, во-вторых, существует менее бюрократизированная среда государственного регулирования, где многие административные барьеры снимаются просто в силу иного устройства механизма принятия государственных решений, и, в-третьих, – определенные налоговые послабления, которые никогда не рассматривались как ключевые условия развития особых экономических зон. Собственно, эти идеи отнюдь не напрямую были связаны с реформой в сфере инноваций. Предполагалось, что миссия ОЭЗ является гораздо более широкой, и, думаю, тот факт, что закон появился через некоторое время после обсуждения в Новосибирске, связан не столько с тем, что министерство попыталось предложить какую-то иную идею для решения проблемы инноваций, а потому, что именно тогда открылось политическое окно возможностей для продвижения закона о зонах.

ИРР: Заложенная в законопроект концепция «green field» - зон, строящихся «с нуля», серьезно затрудняет концентрацию бизнеса: для крупных сложившихся компаний проблематично переносить производство на новое место даже при наличии прекрасной инфраструктуры. На кого рассчитан этот закон - на стартапы?

М.Д.: Да, конечно, прежде всего, он рассчитан на начинающие бизнесы, которые еще недостаточно укоренились и испытывают серьезные ограничения в связи со своим ростом, и которые в силу малых размеров достаточно мобильны, чтобы быть заинтересованными перейти в более благоприятную среду своей деятельности. Насколько особые экономические зоны приживутся в России и дадут эффект, я думаю, мы сможем говорить только по результатам их реальной работы. Пока здесь остается много вопросов, и смогут ли эти зоны дать реальный и мощный импульс развития малого и среднего бизнеса в стране – это, конечно, может показать только жизнь.

ИРР: Любые налоговые льготы, естественно, вызывают перераспределение налоговой нагрузки на остальную часть населения.

М.Д.: Да, безусловно, этот аргумент всегда выдвигался, в том числе и Министерством финансов, когда шли дискуссии по зонам.

ИРР: Льготный режим часто притягивает криминальный бизнес – вспомним, например, общеизвестные события вокруг торговли сигаретами и водкой. Такая опасность, видимо, тоже есть?

М.Д.: Я думаю, что сейчас только жизнь покажет, насколько новая правовая среда, связанная с развитием зон, сможет предостеречь развитие событий по таким нежелательным сценариям, и в какой мере это решение будет действительно востребовано бизнесом. Закон, безусловно, учитывает многие из тех вопросов, которые вы сейчас упомянули, по крайней мере, в законе были сделаны попытки дать вполне четкие, понятные ответы. Насколько эти ответы будут достаточны, может показать только время.

ИРР: Ваш прогноз по срокам принятия этого закона и начала реальной работы?

М.Д.: Вопрос вступления в силу закона является практически решенным, не случайно появилась даже новая должность помощника председателя правительства, ее занял Юрий Жданов, бывший заместитель министра экономики, в его задачу как раз входит содействие реализации этого закона. Это дело ближайшего времени, и практическая реализация может начаться уже в этом году.

ИРР: Переходя к проблематике информации для гражданского общества, давайте остановимся на понятии «транспарентность». Вы в свое время уделили много внимания транспарентности в политических и экономических вопросах. Возьмем такой частный пример. Когда мы видим марши колонн в новенькой униформе по Ленинскому проспекту, у налогоплательщика возникает вопрос: не на мои ли деньги их одевают, кормят и перевозят? И не следует ли таким организациям сделать свои источники финансирования более прозрачными?

М.Д.: Ваш пример очень уместен. Мы много говорили о необходимости повышения транспарентности, например, корпоративного бизнеса, в ответ на смягчение государственного регулирования, менее обременительный режим государственного надзора, контроля и вмешательства в деятельность хозяйствующих субъектов. Очень много было сказано о необходимости открытия информации о деятельности госорганов, что понятно: это – ключевое условие повышения эффективности их работы. И я думаю, что информационная открытость будет столь же полезной и для деятельности политических партий, общественных организаций и большинства других организаций некоммерческого сектора. Должен сказать, что даже в развитых странах проблема транспарентности в неодинаковой степени решена в разных секторах. На уровне крупного корпоративного бизнеса значительная часть организаций, особенно транснациональные корпорации, уже являются весьма транспарентными организациями, предоставляющими огромное количество информации о своей деятельности, в том числе и социальную отчетность на основании неких согласованных международных стандартов. Государство в большинстве развитых стран уже является весьма открытым в информационном плане для граждан. Но третий сектор, структуры гражданского общества очень часто по-прежнему являются непрозрачными. И это во многом касается и проблем политических партий, и проблем некоммерческих организаций, выполняющих важные социальные функции. Многие из них практически не публикуют информацию о своей деятельности, непрозрачным образом распоряжаются своими финансами. Структуры управления, цели и миссии во многих подобных организациях остаются непонятными для широкой общественности. И это выливается в достаточно серьезную проблему, поскольку создает барьеры между такого рода структурами и обществом в целом, затрудняет им возможность эффективного представительства соответствующих общественных интересов. Ведь если организация непрозрачна, не вполне понятно, чьи интересы и на каких условиях она представляет. Что особенно существенно, это не позволяет развивать механизмы саморегулирования и стандартов в самом некоммерческом секторе в системе гражданского общества; затрудняет контроль за соблюдением определенных норм и требований поведения, который необходим, когда организация преследует какие-то общественные цели и претендует на то, чтобы представлять интересы не только своего руководства, но и интересы гораздо большего круга людей. И с этой точки зрения вопрос об информационной открытости, стандартах такой открытости и для общественных, и для некоммерческих организаций – это вопрос далеко не праздный, вопрос практический, от которого во многом зависит, насколько влиятельным станет гражданское общество у нас в России.

ИРР: Как связаны между собой гражданское общество и правовое государство? Могут ли в отсутствие правового государства существовать хотя бы начала гражданского общества?

М.Д.: В обыденном сознании присутствует смешение целого ряда понятий, которые не следует отождествлять между собой. Например, понятия политической демократии и правового государства, правового государства и развитых институтов гражданского общества. В действительности, как показывает серьезный анализ ситуации в разных странах – и демократических, и недемократических – гражданское общество и правовое государство и демократические политические институты – это явления, хотя и тесно связанные, но все-таки между собой различающиеся. С точки зрения функционирования систем политической демократии и гражданского общества история разных стран демонстрирует нам весьма интересные варианты. Например, одно время среди исследователей, занимающихся проблемами развития, был очень популярен пример Бирмы 50-60-х годов, которая тогда была одним из лидеров движения неприсоединения. Эта страна приводилась как пример устойчивого общества, отличающегося исключительно высокими показателями комфортности жизни по меркам стран, близких ей по уровню душевых доходов. Валовой внутренний продукт на душу населения в Бирме был очень невысок, на уровне африканских стран. При этом по некоторым показателям качества жизни эта страна занимала позиции, характерные для стран верхнего развивающегося эшелона, близкого к уровню стран Латинской Америки тех времен. Исследования показали, что бирманская деревня отличается весьма уникальным набором качеств,

которые ведут к довольно высокой способности бирманцев – в массе своей сельских жителей – самоорганизовываться, обустроить свою жизнь, создавать инфраструктуру взаимопомощи, совместного решения возникающих проблем, преодоления препятствий. Собственно, это и явилось главным условием того, что ограниченные ресурсы страны в социальном плане использовались относительно эффективно. Тогдашнюю Бирму, конечно, трудно было назвать по-настоящему демократическим государством. В любом случае, это была страна с относительно слабым уровнем развития демократии, и дальнейшие события показали, что демократия не пустила прочных корней в Бирме, но вот эта инфраструктура зарождающегося гражданского общества и высокий уровень социального капитала уже тогда для этой страны были характерны.

Поэтому демократия и гражданское общество далеко не являются тождественными явлениями. Да, как правило, страны с развитыми институтами демократии являются достаточно успешными с точки зрения наличия влиятельной инфраструктуры гражданского общества, но, тем не менее, далеко не всегда это происходит именно так. В свою очередь пример Бирмы, да и России начала прошлого века, показывает, что гражданское общество может заметно опережать в своем развитии политическую демократию. То же самое касается и институтов правового государства. В истории XX века есть немало примеров стран, которые, не имея демократической политической системы, и, в общем-то, развитого гражданского общества в современном его понимании, тем не менее, смогли создать чрезвычайно эффективное правовое государство, которое дало импульс экономическому росту и успешному развитию страны. Примеры – Гонконг, Сингапур – страны, которые никогда не были по-настоящему демократичными, тем не менее, по качеству институтов государства находятся в верхней десятке мировых рейтингов с точки зрения дееспособности системы госуправления, благоприятности инвестиционного климата, низкой коррупции. Все это показатели, которые очень тесно связаны с защищенностью институтов прав собственности, со способностью судебной правоохранительной системы обеспечивать нейтральность и в то же время эффективное отстаивание законных интересов собственников на территории страны. Таким образом, нельзя надеяться, что, потянув за один конец этой веревочки, мы сразу распутаем весь клубок. Теоретически, укрепляя нашу демократию, мы можем надеяться, что само собой вытянется вверх гражданское общество или, что, развивая судебную систему, мы тем самым развиваем демократию. Но есть масса исторических примеров, доказывающих, что все эти три элемента современного развитого общества должны развиваться параллельно и необходимы самостоятельные усилия, чтобы успешно развивался каждый из них.

Очень интересны результаты недавнего опроса, которые мне довелось увидеть на конференции в Нижнем Новгороде, посвященной развитию гражданского общества. Форум Доноров провел недавно обследование населения страны с помощью опросов фокус-групп, которое выявило очень любопытные вещи. Когда был задан вопрос: «Кто должен вносить ключевой вклад в развитие российского общества?», то 53% опрошенных ответили, что это должно быть российское государство, 38% - что это должно быть российское государство в партнерстве с некоммерческими организациями и только 5% сказали, что это должны быть некоммерческие организации. Население воспринимает гражданское общество и его роль в стране как нечто второстепенное, ослабленное, что не может и не способно развиваться самостоятельно. Известный экономист В.А.Найшуль привел очень любопытную метафору того, насколько органично в нашем обществе сейчас воспринимается гражданское общество со всей его инфраструктурой и той ролью, которую оно может в будущем приобрести. Представим компанию простых россиян, которые собрались за столом отмечать какой-то юбилей, праздник. За что они могут поднять бокалы? Ну, за любовь, за женщин, за Родину, за Победу, даже за свободу. А вот представить, чтобы россияне, простые граждане в здравом уме и доброй памяти подняли бокалы за гражданское общество – невозможно, разве что в виде шутки. Всерьез – нет. Это говорит о том, что в системе культурных приоритетов и ценностей гражданское общество в России пока по-прежнему занимает низкие ступеньки. Предстоит еще пройти немалый путь, прежде чем гражданское общество, во-первых, наладит эффективную систему взаимодействия с властью, а во-вторых, сможет завоевать глубокое доверие со стороны широких слоев населения с тем, чтобы гражданское общество действительно могло выступать от имени значимых социальных групп в диалоге с властями и быть эффективным участником механизма согласования общественных интересов. Потому что это одна из важнейших ролей негосударственного некоммерческого сектора в обществах с развитой демократией. Но пока наше гражданское общество на эту роль едва ли может эффективно претендовать, потому что оно мало кого представляет, кроме самого себя.

ИПР: Есть такая точка зрения, что гражданское общество сначала должно появиться в сознании людей, а потом уже в обществе. Во 2-м номере нашего журнала приводится пример московских кухонь диссидентских времен как ростков гражданского общества в неправовом государстве.

М.Д.: Это тоже очень интересно, ведь есть реальные наблюдения того, как, откуда и в какой степени гражданское общество может сформироваться как устойчивое органичное явление в стране. Если посмотреть на историю становления гражданского общества с момента начала демократических рыночных реформ в России, то мы можем обнаружить несколько этапов. Самое интересное, первый этап - это начало перестройки, внезапный совершенно неожиданный всплеск общественного интереса к структурам гражданского общества, когда разного рода инициативы, группы, организации, объединения стали расти как грибы. И не просто расти, они замкнули на себя активность очень большого слоя людей. Вообще политическая и общественная активность населения невероятно возросла, люди с удовольствием ходили на митинги, участвовали в разного рода группах, клубах по интересам, в чем угодно. И, что особенно

интересно, к концу периода перестройки вся эта инфраструктура не просто стала массовой, но она еще и стала способной мобилизовать общественные интересы, общественные силы на решение значимых задач борьбы за демократию и стала активным участником процесса диалога между обществом и властью. И к началу 90-х годов гражданское общество сформировалось как самостоятельная сила, без участия которой не принималось ни одно значимое решение в стране. Интересно посмотреть на восприятие внешними наблюдателями того, что происходило в России. Я общался с западными политологами, которые были свидетелями этого процесса, и они говорили, что у них было ощущение, что Россия и другие постсоветские страны, где развитие инфраструктуры гражданского общества было таким бурным и неожиданным, в ближайшее время могут реально стать лидерами по уровню развития социального капитала, намного опередив страны Западной Европы, где гражданское общество не демонстрировало столь бурной активности.

Но, как ни странно, этот период, продемонстрировавший фантастический потенциал гражданского общества в России, с начала 90-х годов очень быстро сошел на нет. Как только начался экономический кризис, активность большинства населения переключилась на самовыживание, а развитие гражданского общества перешло совсем в другую плоскость. Оно продолжало развиваться, но это было развитие на уровне «корней травы», это было развитие организаций «малых дел», опиравшихся во многом на международную донорскую помощь и не претендовавших реально на представительство интересов. Они в большей мере были сосредоточены на решении относительно немасштабных социальных проблем и оказании социальных услуг. Собственно, все 90-е годы развитие гражданского сектора проходило именно под этим флагом. Он в некотором смысле оказался отделен от остальной части общества, потому что решал проблемы относительно скромного масштаба и не мог аккумулировать на себе активность массовых групп населения, потому что люди были озабочены прежде всего экономическими проблемами.

ИРР: Если гражданское общество – одна из главных целей развития страны, как далеки мы от ее достижения?

М.Д.: Я бы не стал называть гражданское общество целью развития страны. Цель развития страны – это общество, в котором существуют эффективные механизмы выработки или достижения консенсуса или согласования различных общественных интересов, причем механизмов, которые позволяют нацеливать ресурсы общества на успешное экономическое и социальное развитие. Гражданское общество – это один из практических, весьма эффективных инструментов достижения этой цели, но это лишь инструмент. По данным опроса видно, что мы по-прежнему еще очень далеки от того, чтобы нынешнее поколение россиян воспринимало инфраструктуру гражданского общества как нечто «инструментальное», практически полезное для них лично. В их повседневном бытовом плане гражданскому обществу почти нет места. Старые структуры, типа профсоюзов, быстро отмирают, новые структуры на их место не приходят. Тем не менее, на мой взгляд, примерно в течение ближайшего десятилетия, одного-двух политических циклов есть возможность продвинуться намного вперед в изменении роли гражданского общества в плане взаимодействия общества и власти и механизмов обратной связи в принятии политических решений. Почему мне кажется, что это возможно? В ближайшие примерно 5-10 лет в силу естественных демографических причин будет происходить смена поколений российских политиков. Сейчас на ключевых политических позициях лица, которые принимают решения – это поколение, сформировавшееся в позднее советское время. Для этого поколения гражданское общество не является чем-то недопустимым или запретным, они признают дух политкорректности и стараются периодически напоминать о своей готовности сотрудничать с гражданским обществом, согласны с тем, что гражданское общество – это важный институт. Но с точки зрения их реального отношения к практической полезности взаимодействия с гражданским обществом, думаю, что все они гражданское общество воспринимают со скепсисом. В общем, это поколение, которое воспитано в духе централизованной системы принятия государственных решений с минимумом неформальных механизмов обратной связи с населением. Для них система широкого общественного диалога в процессе выработки и реализации государственной политики – это нечто весьма обременительное. Поэтому, на мой взгляд, пока у политиков преобладает отношение к гражданскому обществу и взаимодействию с ним, как к некоей красивой и, в общем, политически полезной, но весьма громоздкой и обременительной декорации. Нечто вроде пятого колеса в системе государственного управления, которое все равно, в силу сложившихся обстоятельств, приходится иметь, но пользы оно в движении государственной телеги не приносит.

В ходе смены политических поколений ключевые позиции в политической жизни страны займет поколение, которому было лет 20-25 в период процесса перестройки и начала перехода к рыночной экономике. Это поколение формировалось совсем в других условиях, оно стало свидетелем небывалого за всю тысячелетнюю историю России всплеска активности общественных организаций. Многие из тех политиков, которые будут играть ключевую роль через 5 или 10 лет жизни нашей страны, – это политики, которые сами в молодости были не просто свидетелями, но и активными участниками этого процесса. И для них, конечно, гражданское общество не некая обременительная декорация, это механизм, который они понимают изнутри. И вот это поколение политиков уже в гораздо большей степени будет склонно рассматривать взаимодействие с гражданским обществом не как некую декоративную атрибутику, а как весьма практичный механизм, который позволяет согласовывать разные общественные интересы и добиваться решений, которые действительно способны завоевать общественную поддержку.

Уже сегодня подход властей к развитию гражданского общества начинает меняться и постепенно переходить в практическое русло. Так, в проекте программы административной реформы впервые в конце 2004 года появились разделы, посвященные активным мерам со стороны государства, направленным на укрепление гражданского общества, на содействие его и создание новых каналов влияния гражданского общества на принятие государственных решений и их реализацию. Аналогичные меры заложены в проекте Программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу. Пока эти меры остаются только на бумаге, проекты еще не приняты, но даже если эти документы будут приняты (что еще не гарантировано), непонятно, в какой мере они будут реализованы. При нашей эффективности системы исполнительной власти принятие документа отнюдь не означает, что его положения действительно будут претворены в жизнь. Но через 5-10 лет все эти положения уже перестанут быть декларацией, для следующего поколения политиков тот набор идей, который закладывается сейчас, будет уже вполне практичным подходом к решению проблем диалога с обществом. Вот с этой точки зрения, на мой взгляд, мы можем ожидать не в ближайшие 3-4 года, а скорее в перспективе ближайших 10-15 лет весьма серьезные изменения формата взаимодействия государственной власти и гражданского общества.

ИРР: Если все-таки говорить о началах гражданского общества в России, какие институты этого общества заметны в общественной жизни. В чем эти начала проявляют себя?

М.Д.: Если мы посмотрим на формальную статистику гражданского общества, то Россия выглядит не так уж плохо. Так, если взять общее количество общественных организаций, зарегистрированных, например, в Новгородской области, то по этим формальным показателям она будет вполне сравнима с Северной Италией, которая традиционно считается лидером по уровню развития социального капитала. Согласно имеющимся оценкам, некоммерческий сектор дает примерно 1% валового внутреннего продукта нашей страны и развивается опережающими темпами, что уже неплохо, учитывая то, что в большинстве развитых стран этот показатель колеблется в пределах 3-4% – то есть с этой точки зрения Россия выглядит не так удручающе. Но с точки зрения того, насколько эффективно способно гражданское общество представлять от имени граждан и участвовать в согласовании общественных интересов, то здесь пока, я думаю, мы делаем лишь первые шаги. Действительно, одна из проблем, почему влияние гражданского общества, может быть, еще не столь велико в политической жизни страны, состоит и в том, что, вступая в диалог с какими-то из структур гражданского общества, власть никогда не может быть уверена, представляют ли они чьи-то интересы, кроме своих собственных. Это серьезная проблема, о которой мы говорили с самого начала, – проблема интеграции структур гражданского общества в более широкую канву общественных ценностей и приоритетов.

ИРР: Когда таких «начал» было больше - в период 1985-1991 или 1999-2005 гг.?

М.Д.: Это два разных периода. Развитие нашего гражданского общества в последние 15 лет происходило в некотором смысле по принципу «шаг вперед, два шага назад». Потому что период бурного всплеска активности и резкого возрастания его роли в период перестройки, сменился периодом затухания этой роли, но при этом относительно быстрого развития инфраструктуры низовых организаций гражданского общества.

С конца 90-х годов развитие гражданского общества вступило в новую фазу. В этот период федеральные власти сформулировали весьма амбициозную программу рыночных преобразований, и в рамках этой программы оказался востребованным диалог с обществом, потребовались новые подходы к согласованию различных интересов. Программа реформ затрагивала настолько разнообразный комплекс проблем, что традиционные механизмы выработки решений их реализации оказались уже недостаточными. Не случайно именно в этот момент внезапно почти на пустом месте вдруг появились реально работающие структуры, представляющие интересы бизнеса. РСПП, который вплоть до конца 90-х годов был декоративной, картонной организацией, союзом «красных директоров», не способный реально представлять от имени современного бизнеса, вдруг превратился в организацию, которая действительно оказалась способной вести очень эффективный, иногда жесткий, но, в общем, продуктивный диалог с властью от имени крупного бизнеса. Появилась организация «Опора России», которая довольно успешно представляет интересы малого бизнеса. При всех оговорках, насколько глубоки корни этой организации, все равно она это делает активно и небезуспешно. Появились первые законодательные инициативы, которые делали попытку интегрировать процесс взаимодействия или деятельности структур гражданского общества в процессы принятия важных государственных решений. Очень хороший пример – это закон о техническом регулировании, который впервые в истории нашей страны заложил процедуры, когда принятие любых регулирующих решений в сфере технического регулирования становится общественным процессом. Он предусматривает обязательное общественное слушание, обязательное вовлечение и учет мнений заинтересованных организаций, представляющих интересы и потребителей, и поставщиков соответствующих товаров и услуг. И более того, закон закрепил возможность инициативной разработки регламентов, обязательных технических требований, самими ассоциациями бизнеса – структурами гражданского общества, – и последующее их принятие на законодательном уровне по результатам публичного обсуждения этих инициатив.

Эта ситуация во многом уникальна, но, если мы посмотрим законодательную деятельность того периода, появилось еще немало подобного рода законопроектов в других сферах, которые тоже открывали принципиально новые каналы для развития гражданского общества. Например, новая редакция закона о государственной гражданской службе предусматривала такие экзотические для старой российской

бюрократии меры, как возможность и даже обязательность вхождения представителей гражданского общества в коллегиальные органы, занимающиеся сугубо внутренними вопросами государственной службы типа комиссий по служебной этике и конфликту интересов или конкурсных комиссий по найму служащих в государственные органы. Это, конечно, беспрецедентно по стандартам старой советской бюрократии, которые до сих пор еще широко практикуются в нашем госаппарате.

Но где-то с середины 2004 года готовность к диалогу резко пошла на убыль, в течение 2004-2005 годов практически не велось диалога по вопросам выработки ключевых политических решений, резко ослабла интенсивность диалога с представителями бизнеса, очень важные социальные инициативы по монетизации льгот были подготовлены при отсутствии какого-то желания вести публичный диалог и, естественно, без участия структур гражданского общества. Это был период, когда у федеральных властей возникло ощущение, что политическая ситуация настолько упрочилась, что эти декорации в виде гражданского общества как элемента политического процесса стали не нужны, и их можно просто отбросить в сторону. Но такого рода ощущение тоже оказалось иллюзорным и очень быстро разбилось о политический кризис, который породила неудачная монетизация льгот, которая в свою очередь была неудачной, прежде всего, в силу недостатка общественного диалога. И в результате мы вступили в новый период. Говорить о том, что власть столь же недооценивает потребность во взаимодействии с гражданским обществом, как это было год назад, уже нельзя, потому что власть, безусловно, извлекла уроки из сложившейся ситуации. Понятно, что есть готовность институционально, законодательно закреплять механизмы диалога с гражданским обществом. Не случайно возникла идея общественной палаты, которая была законодательно оформлена. Не случайно сейчас рассматривается программа административной реформы, где целый раздел направлен на появление новых каналов влияния структур гражданского общества. Но мы находимся в состоянии некой неопределенности, потому что есть понимание прагматической необходимости развития диалога и в то же время внутренняя неуверенность в том, что этот диалог действительно является эффективным. Поэтому на ближайшие три года пока очень трудно прогнозировать, куда приведет нас эта новая ситуация.

На мой взгляд, мы все-таки с точки зрения взаимодействия власти и общества, перспектив развития гражданского общества вступили в некую зону неопределенности, которая будет продолжаться по меньшей мере до начала выборов в Государственную Думу. В долгосрочной перспективе я склонен оценивать будущее гражданского общества несколько более оптимистично из-за упоминавшейся смены поколений. В течение ближайших 10 лет положение может измениться, если поколение более молодых политиков, приходящее на смену, будет воспринимать задачу развития гражданского общества уже не как проблему текущей политической конъюнктуры, а как задачу, от которой действительно зависит успех формирования зрелого, демократического, развитого, эффективного общества в нашей стране.